

Оглушительный удар.

Помятый кузов в последний раз содрогнулся. Не выдержав запредельной нагрузки, искореженное дорожное ограждение с треском лопнуло, и разбитая машина беспомощно рухнула в пропасть.

Лопнул поврежденный ремень безопасности. От мощного толчка Сяо Чэна выбросило через разбитое боковое стекло, и он полетел напрямик на острые придорожные камни.

А автомобиль, уносивший его близких, стремительно падал на дно ущелья.

Но даже в это последнее мгновение они не сводили с него глаз — взглядов, полных щемящей нежности, бездонной тревоги и горького нежелания расставаться.

Жизнь — это путешествие, где всё случается слишком внезапно. Никто не знает заранее, когда и как оборвется нить тех, с кем ты надеялся пройти этот долгий путь. Порой судьба распоряжается так, что в самый последний миг у вас не остается времени даже на простое «прощай».

Сяо Чэн смотрел на всё со стороны. Видел, как его тогдашний двойник, залитый кровью, катится по острым камням; видел, как машина с его семьей исчезает в бездне. Раздался оглушительный взрыв. И следом из глубокого ущелья поднялись три золотистых луча, беззвучно влившись в бездыханное тело юноши.

Его изувеченную грудь в районе сердца на мгновение затопило мягкое золотое сияние, которое тут же растаяло.

Смертельная рана никуда не делась, но мертвенно-серый оттенок, уже начавший покрывать лицо распростертого на земле Сяо Чэна, медленно отступил. Грудь едва заметно дрогнула, сделав первый слабый вдох.

На этом призрачном, едва теплящемся дыхании он и дотянул до приезда спасателей, которые позже изумлялись его невероятной, почти сверхъестественной жажде жизни.

Оказалось, никакого чуда не было. Это была их любовь — последнее и самое прочное кольцо защиты, которым его окружили уходящие близкие.

— Я ведь уже вырос... — прошептал он. — Я сам должен был защищать вас. Почему... почему это случилось именно с вами? Зачем вы оставили меня одного?..

Трасса, ущелье, серые скалы и тяжелое черное небо растворились. Сяо Чэн открыл глаза. Он снова сидел в той же комнате.

Грудь сдавило тупой, невыносимой болью, словно у него заживо вырвали самый важный орган. От этого ощущения перехватило дыхание.

Кун Дацин сочувственно похлопал его по плечу:

— Прими мои соболезнования, друг мой.

Сяо Чэн выпрямился и, закрыв лицо ладонями, погрузился в молчание.

Кун Дацин не торопил его. Он просто сидел рядом, позволяя юноше прийти в себя. Он прекрасно понимал: любые слова утешения сейчас бессмысленны, ведь такие раны человек может залечить только сам.

Прошло несколько минут.

Сяо Чэн опустил руки. Его голос прозвучал глухо и хрипло:

— Извини. Я расклеился.

Кун Дацин протянул ему пиалу с теплым чаем:

— Держи. Сделай глоток, тебе станет легче.

Пиала из гладкого серовато-зеленого фарфора приятно грела пальцы. От улуна исходил мягкий, обволакивающий аромат. В отличие от резкого, холодного зеленого чая, этот сорт, прошедший легкую ферментацию, обладал бархатистым вкусом и оставлял сладковатое послевкусие, успокаивающее растревоженные нервы.

Заметив, что гость немного успокоился, Кун Дацин вернулся к обсуждению результатов:

— Твое сердце действительно переняло свойства Оставленной вещи. Оставшиеся мысли твоих близких закрепились в нем, образовав мощную защиту. Слияние трех Чистых помыслов сделало этот артефакт куда сильнее обычных Оставленных вещей. При этом ты сам подвергся воздействию Камня Сердца Земли. Так и сформировался твой уникальный организм — нечто среднее между эспером и Оставленной вещью. В момент аварии три Чистых помысла вошли в твое сердце одновременно. Они неизбежно конфликтовали друг с другом, а вдобавок отторгались твоим зараженным телом. Из-за этого внутреннего противоборства сила долгое время оставалась нестабильной, а твои раны затягивались так мучительно медленно. По моим расчетам, сердцу потребовалось не меньше года, чтобы прийти к нынешнему балансу.

Кун Дацин пытливо взглянул на собеседника:

— Но ты ведь не можешь управлять этой силой осознанно?

Сяо Чэн согласно прикрыл глаза:

— Да. Только в моменты смертельной опасности я чувствую, как в груди разливается тепло.

— И как это отразилось на твоей повседневной жизни?

Сяо Чэн хотел было покачать головой, но вдруг осекся:

— Знаешь... Раньше я никогда не думал о здоровье. Но после больницы стал маниакально следить за собой: стараюсь ложиться вовремя, завариваю ягоды годжи...

Правда, в итоге его забота о себе вылилась в диковатый «панк-вей» здорового образа жизни.

Кун Дацин понимающе кивнул:

— Скорее всего, это побочный эффект. Сердце оберегает тебя от гибели и одновременно заставляет беречь себя. Будто они всё ещё рядом и приглядывают за тобой, верно?

Сяо Чэн прижал ладонь к груди. Под ребрами мерно и сильно стучало.

«Да. Моя семья по-прежнему со мной. Просто теперь они защищают меня иначе».

— Возможно, тебе стоит попробовать подчинить себе эту силу, — Кун Дацин разложил на столе недавнюю диаграмму излучения. На графиках было отчетливо видно, как Сяо Чэн в какой-то момент целенаправленно перенаправил энергию из сердца в Черный зонт.

Сам Сяо Чэн смутно помнил финал испытания, но то удивительное состояние всемогущества, похожее на божественное присутствие, врезалось в память навсегда.

— Неужели это действительно в моих силах?

— Но ты ведь уже сделал это, — Кун Дацин ткнул пальцем в пик на графике. — Царство Разума лишь проецирует твой скрытый потенциал, оно не создает способности из ниоткуда.

— И как мне этому научиться? — в душе Сяо Чэна загорелся азарт.

— Увы, мой друг, тут я тебе не помощник, — развел руками исследователь. — Я ведь сугубо мирный специалист.

Он на мгновение задумался, а затем добавил уже серьезнее:

— И еще одно. Мой анализ показывает, что твоя способность к возрождению не безгранична. Если вырвать это сердце из груди, ты мгновенно погибнешь, а само оно потеряет всякую силу. Чистые помыслы твоих родных настроены исключительно на твое спасение. Для чужака это будет просто мертвый кусок мяса. Разумеется, это лишь гипотеза — проверять ее экспериментальным путем мы, конечно же, не станем. В официальном отчете я так и напишу. Раз уж артефакт бесполезен для посторонних, тебе не придется опасаться, что на него позарится кто-то из тех старых хрычей.

— Старых хрычей? — Сяо Чэн вспомнил недавний разговор с Лили. — Ты имеешь в виду членов Совета директоров?

Кун Дацин кивнул:

— Именно. Поверь мне, друг мой, влиятельных стариков, мечтающих о бессмертии, на свете куда больше, чем демонов, охотившихся за плотью Тан Сэна. И каждый из них спит и видит, как бы урвать себе лишний десяток лет жизни.

— Спасибо тебе, — искренне поблагодарил Сяо Чэн. Он понимал, какую услугу оказывает ему ученый, искажая выводы в отчете.

— Ах да, чуть не забыл, — спохватился Кун Дацин. — Избыток жизненной энергии делает тебя ходячей мишенью. Оставленные вещи — особенно агрессивные вроде Безликих — будут слетаться на тебя как мухи. В их глазах ты выглядишь как сочный, дымящийся шашлычок прямо с мангала!

Последнюю фразу он произнес с уморительным акцентом уличного торговца, забавно растягивая гласные.

Сяо Чэн выдавил вымученную улыбку.

«Значит, я действительно ходячая приманка... Какая пугающая точность. Женская интуиция Лили бьет без промаха».

После медосмотра Сяо Чэну дали несколько дней отдыха.

Он провел их в предоставленной ему временной комнате: отсыпался, сытно ел и постепенно избавлялся от постоянного чувства тревоги. Су Хэянь за стеной вел себя на удивление тихо. Он не метался с оружием наперевес и вообще казался бесплотным духом. От него не доносилось ни звука — идеальный сосед, мечта любого жильца.

Выбрав ясный, погожий день, Сяо Чэн отправился на кладбище.

Купив у ворот несколько охапок белых хризантем, он вошел на территорию мемориального парка. До праздника Цинмин было еще далеко, поэтому посетителей почти не наблюдалось. В тени раскидистых деревьев царил умиротворяющая тишина, изредка нарушаемая мягким щебетом птиц. Это место дышало покоем, наводя на философские мысли.

Сяо Чэн остановился возле свежего надгробия.

С фотографии на него смотрела миловидная девушка. Они встретились лишь однажды, глубокой ночью. Ему удалось спасти ее в первый раз, но во второй он опоздал. И пусть спасти ее жизнь не удалось, уничтожение Безликого стало для нее своего рода посмертным возмездием.

Узнав через знакомых, где ее похоронили, Сяо Чэн посчитал своим долгом навестить ее.

Он бережно опустил первый букет хризантем на гранитную плиту.

Их короткое знакомство оборвалось слишком быстро. Он мысленно пожелал ей обрести покой там, где больше нет места страху и боли.

Сяо Чэн двинулся дальше по аллее.

Семья погибшей девушки покоилась на этом же кладбище. Раз уж он пришел сюда, стоило навестить и своих. Они так давно не собирались вместе, чтобы просто поговорить.

Но стоило ему сделать несколько шагов, как неведомая сила вновь заставила его замереть.

На соседнем участке, на одном из памятников, он увидел знакомое лицо. С портрета улыбалась очаровательная школьница с ямочками на щеках — та самая, от которой при жизни словно пахло спелыми персиками.

Хозяйка Безликого.

Она погибла совсем недавно, и поскольку это кладбище было самым крупным в городе, вероятность встретить ее надгробие здесь была велика. И всё же найти ее могилу среди тысяч других казалось чистой случайностью.

На плите было высечено имя: Линь Исы. Очень красивое имя.

У подножия памятника уже лежал букет белых хризантем. Лепестки еще блестели от свежей росы — тот, кто принес их, ушел совсем недавно.

«Кто-то из близких?»

Сяо Чэн огляделся по сторонам и вскоре заметил в конце длинного ряда могил высокую, стройную фигуру в темной одежде.

Внутри шевельнулось странное дежавю. Их первая встреча произошла в шумной шашлычной, где их разделяли клубы сизого дыма и гомон толпы. Теперь же они встретились на безмолвном погосте, посреди ровных рядов надгробий и тонкого аромата цветов.

Кто бы мог подумать, что суровому Су Хэяню не чуждо сострадание.

Почувствовав на себе взгляд, Су Хэянь обернулся. Их глаза встретились.

Сегодня эспер выглядел удивительно умиротворенным. Он не стал выхватывать оружие или бросаться в драку прямо посреди погоста — лишь едва заметно кивнул в знак приветствия и неторопливо направился к выходу.

Редкая минута взаимного согласия.

Когда темный силуэт скрылся за поворотом, Сяо Чэн перевел взгляд на памятник. Он отделил несколько цветков от букета, предназначавшегося его собственной семье, и положил их на могилу Линь Исы.

— Спи спокойно, — негромко произнес он. — Убийцы в белом платье больше нет.

В золотистых лучах солнца лицо улыбающейся девочки казалось живым и сияющим, словно весенний цветок.

Наконец он дошел до семейного захоронения.

Достав платок, Сяо Чэн принялся бережно стирать пыль с полированного гранита. Служащие кладбища выполняли свою работу добросовестно, но рука близкого человека всегда делает это с особой нежностью.

Приведя могилу в порядок, он распределил оставшиеся хризантемы между тремя надгробиями — родителям и младшей сестре Фэйфэй.

С портретов на него смотрели самые дорогие люди. Он помнил каждое выражение их лиц: радость, грусть, мимолетную обиду... Жаль только, что холодный камень мог запечатлеть лишь одно мгновение, лишая образы прежней живости.

Прижав ладонь к груди туда, где ровно билось сердце, Сяо Чэн впервые за всё время улыбнулся на кладбище.

«Вы действительно всё время были со мной».

«И сколько бы Оставленных вещей ни привлекало это сердце, я выстою. Я буду жить дальше — ради вас».

«А тот злосчастный Камень Сердца Земли, который разрушил нашу жизнь... Я заставлю его вернуться обратно под землю. Отец, мама, Фэйфэй... Ведь вы пройдёте этот путь со мной, правда?»

<http://bllate.org/book/18261/1748770>